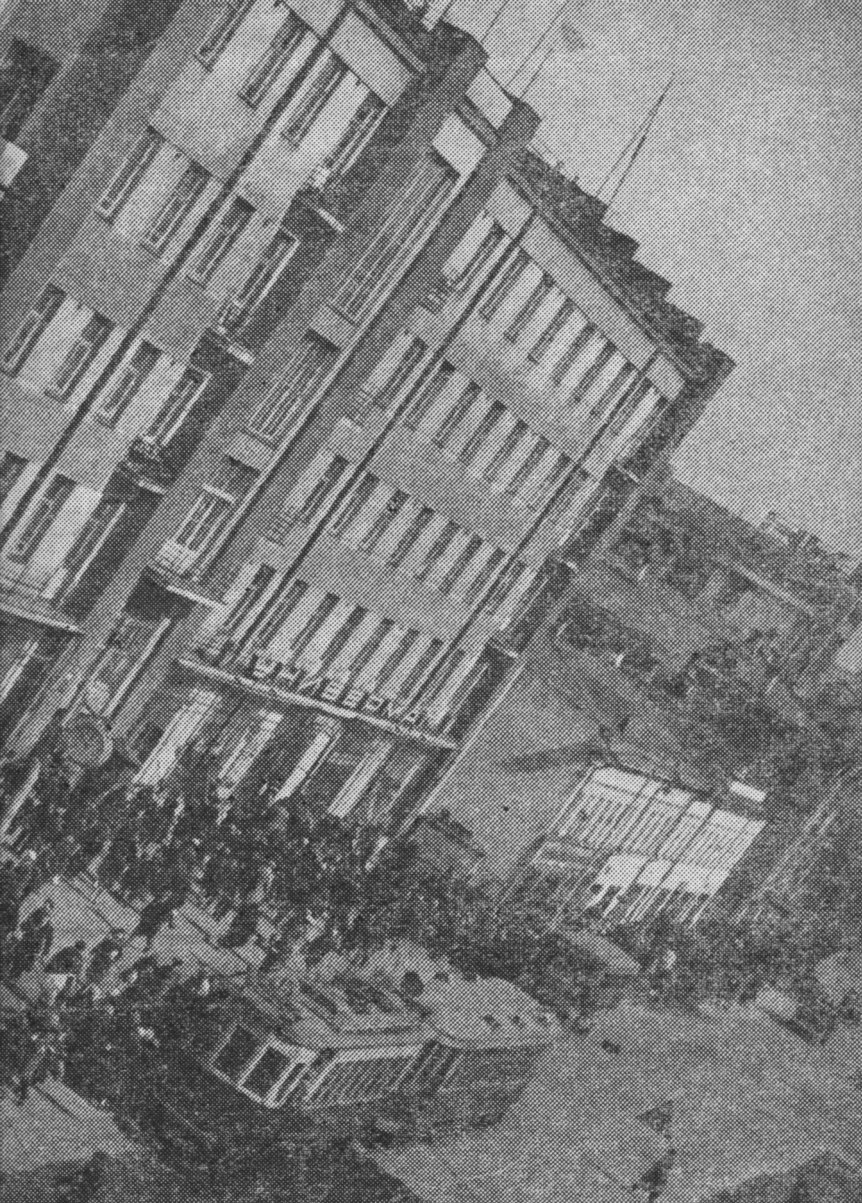

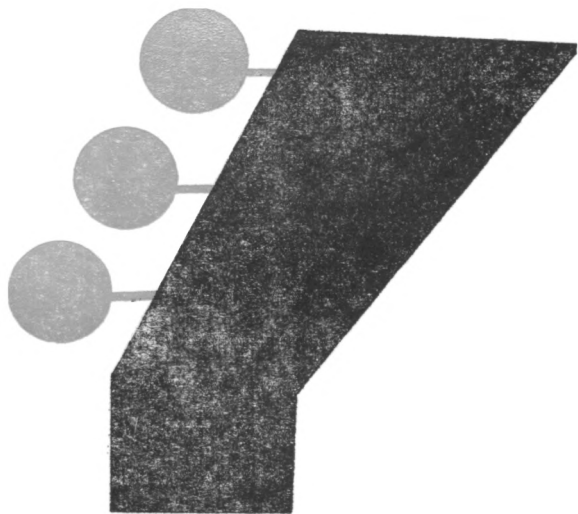
БУЛАТ

КУДЖАВА

Арбат, мой Арбат

БУЛАТ

ОКУДЖАВА

АРБАТ,

МОЙ АРБАТ

**СТИХИ И ПЕСНИ
СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1976**

В новой книге Булата Окуджавы — стихи, написанные преимущественно в последние годы. Все они публиковались в периодической печати. Завершает книгу цикл стихов-песен, знакомых читателям, — они звучат по радио, с концертной эстрады, с киноэкрана.

Фото Арбата 1932 года работы А. Родченко

Художник книги Вл. Медведев

© Издательство «Советский писатель», 1976 г.
Стихотворения, помеченные в содержании звездочкой,
публиковались до 27 мая 1973 г.

Оле

...Кровь густая капает из свеклы,
лук срывает бранный свой наряд,
десять пальцев,
словно десять свекров,
над одной морковинкой стоят...

Впрочем,
ничего мы не варили,
свекла не адела,
лук не пах.
Мы морковь по-братски разделили,
и она хрустела на зубах.

Шла война,
и кровь текла рекою.
В грозной битве рота polegла.
О природа,
ты ж одной морковью,
словно мать,
насытить нас смогла!

И наверно,
уцелела б рота,
если б в тот последний
грозный час
ты одной любовью,
о природа,
словно мать,
насытила бы нас!

БОЯРЫШНИК «ПАСТУШЬЯ ШПОРА»

Боярышник «Пастушья шпора» —
моя надежда и опора,
мой Росинант,
мое седло...
Куда бы время ни текло,
от дружеского разговора
в душе становится светло,
и нету места в ней для вздора.
Душа —
зеркальное стекло:
два силуэта в ней прекрасных,
враждующих и несогласных.
Мне холодно,
а им тепло.

Тот маленький из них,
который
как клерк
из маленькой конторы,
довольный маленьким бытьем,
как узник — коркой и битьем,
такой,

с иголки одетый,
влюбленный в женщину до слез...
И как букеты белых роз
несет он белые манжеты...

И тот большой из них,
который
готов толкнуть меня на споры
легко,
играючи,
со зла,
как волк
в кольце охрипшей своры,
не знающий,
что жизнь прошла...

Бесчинствуйте, кому охота!
А у меня
одна забота:
туда отправиться скорей,
где тянется от косогора
боярышник «Пастушья шпора»
рукой своей
к слезе моей.

Но в озаренье этом странном,
в сиянье вещем светляка
счастливые бывшие люди
мне чудятся издалика:
высокий хор поет с улыбкой,
земля от выстрелов дрожит,
сержант Петров, поджав коленки,
как новорожденный лежит.

* * *

Есть «да» и «нет».
И не шутя
веками длится спор.
Но только время им судья,
хоть суд его
не скор.

Сияли тысячи комет,
их свет
давно погас,
но только время «да» иль «нет»
произнесет
в свой час.

Прекрасны юные мечты:
все метят в главари,
но время скажет «нет»,
и ты
пойдешь в золотари.

Надежды нет,
пути круты,

все в прошлом, хоть гори...
Но время скажет «да»,
и ты
возносишься
в цари.

И поражений
и побед
хлебнули вы не раз...
Но только время
«да» иль «нет»
произнесет
в свой час.

В ГОРОДСКОМ САДУ

Круглы у радости глаза и велики у страха,
и пять морщинок на челе от празднеств и обид...
Но вышел тихий дирижер, но заиграли Баха,
и все затихло, улеглось и обрело свой вид.

Все стало на свои места, едва сыграли Баха...
Когда бы не было надежд — на черта белый свет?
К чему вино, кино, пшено, квитанции Госстраха
и вам — ботинки первый сорт, которым сносу нет?

«Не все ль равно: какой земли касаются подошвы?
Не все ль равно: какой улов из волн несет рыбак?
Не все ль равно: вернешься цел или в бою падешь ты,
и руку кто подаст в беде — товарищ или враг?..»

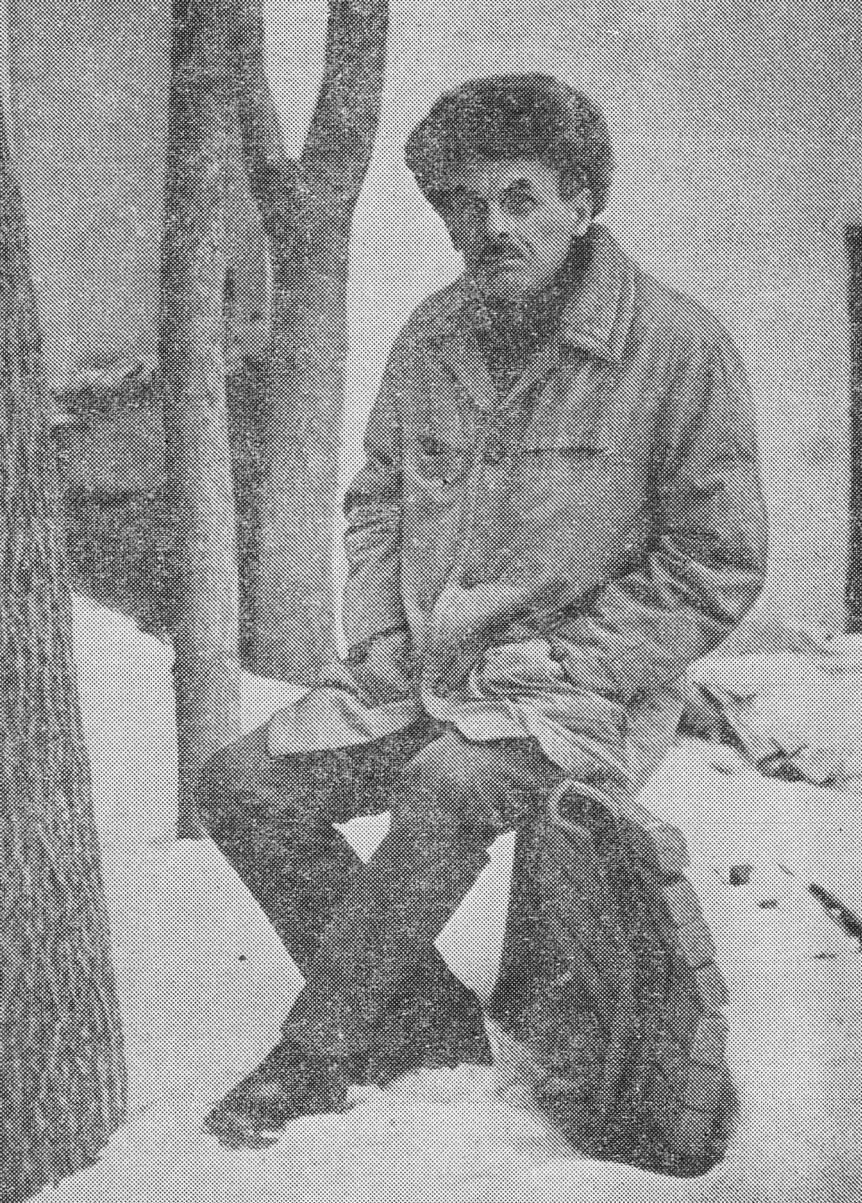
О, чтобы было все не так, чтоб все иначе было,
наверно, именно затем, наверно, потому
играет будничной оркестр привычно и вполсилы,
а мы так трудно и легко всё тянемся к нему.

Ах музыкант мой, музыкант, играешь, да не знаешь,
что нет печальных и больных и виноватых нет,
когда в прокуренных руках так просто ты сжимаешь,
ах музыкант мой, музыкант, черешневый кларнет!

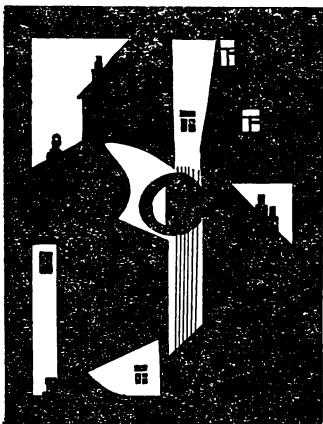
КАК НАУЧИТЬСЯ РИСОВАТЬ

Если ты хочешь стать живописцем, ты рисовать
не спеши.
Разные кисти из шерсти барсучьей перед собой
разложи,
белую краску возьми, потому что это — начало,
потом
желтую краску возьми, потому что все созревает,
потом
серую краску возьми, чтобы осень в небо плеснула
свинец,
черную краску возьми, потому что есть у начала
конец,
краски лиловой возьми пощедрее,
смейся и плачь,
а потом
синюю краску возьми, чтобы вечер птицей слетел на
ладонь,
красную краску возьми, чтобы пламя затрепетало,
потом
краски зеленой возьми, чтобы веток
в красный подбросить огонь.

Перемешай эти краски, как страсти, в сердце своем,
а потом
перемешай эти краски и сердце
с небом, с землей,
а потом...
Главное — это сгореть и, сгорая, не сокрушаться
о том.
Может быть, кто и осудит сначала,
но не забудет потом!

МУЗЫКА АРБАТСКОГО ДВОРА

1. РЕЧИТАТИВ

Тот самый двор, где я сажал березы,
был создан по законам вечной прозы
и образцом дворов арбатских слыл;
там, правда, не выращивались розы,
да и Гомер туда не заходил...
Зато поэт Глазков напротив жил.

Друг друга мы не знали совершенно,
но, познавая белый свет блаженно,
попеременно — снег, дожди и сушь,
разгулы будней и подъездов глушь,

2. ПЕСЕНКА

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты — мое призвание.
Ты — и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои — люди не великие,
каблуками стучат — по делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат
ты — моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.

От любви твоей вовсе не излечишься,
сорок тысяч других мостовых любя.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты — мое отечество,
никогда до конца не пройти тебя!

Примяли наши сапоги траву газонную,
все завертелось по трубе

по гарнизонной.

Благословили времена шинель казенную,
не вышла вечною любовь — а лишь сезонной.

Мне снятся ваши имена — не помню облика:
в какие ситчики вам грезилось облечься?
Я слышу ваши голоса — не слышу отклика,
но друг от друга нам уже нельзя отречься.

Я загадал лишь на войну — да не исполнилось.
Жизнь загадала навсегда —

сошлось с ответом...

Поплачьте, девочки мои,

о том, что вспомнилось,

не уходите со двора:

нет счастья в этом!

Но останется снежная баба вдовой...
Будьте, дети, добры и внимательны
к женщине.

5. РОМАНС

Арбатского романса знакомое шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастие;
из чашки запотевшей счастливое питье
и женщины рассеянное «здрасьте»...

Не мучьтесь понапрасну: она ко мне добра.
Светло иль грустно — век почти что прожит.
Поверьте, эта дама из моего ребра,
и без меня она уже не может.

Бывали дни такие — гулял я молодой,
глаза глядели в небо голубое,
еще был не разменен мой первый золотой,
пылали розы, гордые собою.

Еще моя походка мне не была смешна,
еще подошвы не поотрывались,
за каждым поворотом, где музыка слышна,
какие мне удачи открывались!

Любовь такая штука: в ней так легко пропасть,
зарыться, закружиться, растеряться...

Нам всем знакома эта возвышенная страсть,
поэтому нет смысла повторяться.

Не мучьтесь понапрасну: всему своя пора.
Траву взрастите — к осени сомнется.
Вы начали прогулку с арбатского двора,
на нем-то все, как видно, и замкнется.

Была бы нам удача всегда из первых рук,
и как бы там ни мяло и ни било,
в один прекрасный полдень оглянетесь вокруг,
а все при вас, целехонько, как было:

арбатского ромansa знакомое шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастие,
из чашки запотевшей счастливое питье
и женщины рассеянное «здрасьте»...

и неистово жаждут прощать, возносить
и творить чудеса за кого-то другого?

Что бы ни было там,
как бы ни было там
и чему бы нас жизнь ни учила,
в нашем мире цена на любовь да на ласку
опять высоко подскочила.

И когда худосочные их сыновья
лгут, преследуют кошек,
наводняют базары,
матерям-то не каины видятся — авели,
не дедалы — икары!

И мерещится им
сквозь сумбур сумасбродств дочерей современных,
сквозь гнев и капризы
то печаль Пенелопы,
то рука Жанны д'Арк,
то задумчивый лик Монны Лизы.

И слезами полны их глаза,
и высоко прекрасные вскинуты брови...
Так что я и представить себе не могу
ничего,
кроме этой любви!

ЦИРК

Цирк — не парк,
куда вы входите грустить и отдыхать.
В цирке надо не высиживать,
а падать и взлетать
и под куполом,
под куполом,
под куполом скользя,
ни о чем таком сомнительном
раздумывать нельзя.

Все костюмы наши праздничные —
смех и суета.
Все улыбки наши пряничные
не стоят ни черта
перед красными султанами
на конских головах,
перед лицами,
таящими надежду, а не страх.

О Надежда,
ты — крылатое такое существо!

Как прекрасно
твое древнее святое вещество:
даже,
если вдруг потеряна (как будто не была),
как прекрасно ты распахиваешь
два своих крыла
над манежем
и над ярмаркою праздничных одежд,
над тревогой завсегдаев,
над ужасом невежд,
похороненная заживо,
являешься опять
тем,
кто жаждет не высиживать,
а падать и взлетать.

ПРИЕЗЖАЯ СЕМЬЯ ФОТОГРАФИРУЕТСЯ У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щелкает, и птичка вылетает.
Фотограф щелкает,
но вот что интересно:
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Все счета кончены, и кончены все споры.
Тверская улица течет,
куда — не знает.
Какие женщины на нас кидают взоры
и улыбаются...
И птичка вылетает.

На фоне Пушкина снимается семейство.
Как обаятельны
(для тех, кто понимает)
все наши глупости и мелкие злодеяния
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Мы будем счастливы
(благодаренье снимку!).
Пусть жизнь короткая проносится и тает.
На веки вечные
мы все теперь в обнимку
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Осенний холодок.
Пирог с грибами.
Калитки шорох и простывший чай.
И снова
неподвижными губами
короткое, как вздох:
«Прощай, прощай...»

«Прощай, прощай...»
Да я и так прощаю
все, что простить возможно,
обещаю
простить и то, чего нельзя простить.
Великодушным я обязан быть.

Прощаю всех, что не были убиты
тогда, перед лицом грехов своих.
«Прощай, прощай...»
Прощаю все обиды,
обеда
у обидчиков моих.

«Прощай...»

Прощаю, чтоб не вышло боком.
Сосуд добра до дна не исчерпать.
Я чувствую себя последним богом,
единственным умеющим прощать.

«Прощай, прощай...»

Старания упрямы
(знать, мне лишь не простится одному),
но горести моей прекрасной мамы
прощаю я неведомо кому.

«Прощай, прощай...» Прощаю,

не смущаю
угрозами,
надежно их таю.
С улыбкою, размашисто прощаю,
как пироги,
прощенья раздаю.

Прощаю побелевшими губами,

покуда не повторится опять
осенний горький чай,
пирог с грибами
и поздний час —

прощаться и прощать.

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ «ЧУДЕСНОГО ВАЛЬСА»

Заезжий музыкант целуется с трубою,
пассажи по утрам,
так просто,
ни о чем...

Он любит не тебя. Опомнись, бог с тобою,
прижмись ко мне плечом,
прижмись ко мне плечом.

Живет он третий день в гостинице районной,
где койка у окна — всего лишь по рублю,
и на своей трубе,
как чайник раскаленной,
вздыхает тяжело...
А я тебя люблю.

Ты слушаешь его задумчиво и кротко,
как пенье соловья,
как дождь и как прибой.
Его большой трубы простуженная глотка
отчаянно хрипит...
(Труба, трубы, трубой...)

Трубач играет туш,
трубач потеет в гамме,
трубач хрипит свое
и кашляет, хрипя...
Но как портрет судьбы — он весь в оконной
раме,
да любит не тебя...
А я люблю тебя.

Дождусь я лучших дней
и новый плащ надену,
чтоб пред тобой проплыть,
как поздний лист, дрожа...
Не много ль я хочу, всему давая цену?
Не сладко ль я живу, тобой лишь дорожа?

Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью:
заезжий музыкант играет на трубе!
Что мир весь рядом с ней,
с ее горячей медью?..
(Судьба, судьбе, судьбы,
судьбою, о судьбе.)

* * *

Живые, вставай-подымайся,
будь счастлив, кто снова живой,
на первый-второй рассчитайся,
ряды поредевшие сдвой.

Чисты ваши тонкие руки,
ясна ваших глаз синева,
цена за минувшие муки
ничтожна, как дым и трава.

Чем дальше от юности дерзкой,
тем ближе мы к черной земле,
и памятка бури вселенской
лежит, как печать, на челе.

И все неподатливей струны,
и с каждой минутой трудней
увидеть в усмешке фортуны
улыбку надежды своей.

Но если сержанта бывшего
сквозь дымку проявится лик,

душа моя, честное слово,
опять замирает на миг.

И если учитель ворчливый
к доске предлагает пройти,
иду я как мальчик счастливый
и верю, что все — впереди.

КАК Я СИДЕЛ В КРЕСЛЕ ЦАРЯ

Век восемнадцатый.

Актеры
играют прямо на траве.
Я — Павел Первый,
тот, который
сидит России во главе.

И полонезу я внимаю,
и головою в такт верчу,
по-царски руку поднимаю,
но вот что крикнуть я хочу:

«Срывайте тесные наряды!
Презренья хрупким каблукам.
Я отменяю все парады...
Чешите все по кабакам...
Напейтесь все,
переженитесь
кто с кем желает,
кто нашел...
А ну, вельможи, оглянитесь!
А ну-ка денежки на стол!..»

И золотую шпагу нервно
готовлюсь выхватить, грозя...

Но нет, нельзя.

Я ж — Павел Первый.

Мне бунт устраивать нельзя.

И снова полонеза звуки.

И снова крикнуть я хочу:

«Ребята,

наострите руки,

вам это дело по плечу:

смахнем царя... Такая ересь!

Жандармов всех пошлем к чертям —

мне самому они приелись...

Я поведу вас сам... Я сам...»

И золотую шпагу нервно

готовлюсь выхватить, грозя...

Но нет, нельзя.

Я ж — Павел Первый.

Мне бунт устраивать нельзя.

И снова полонеза звуки.

Мгновение — и закричу:

«За вашу боль, за ваши муки

собой пожертвовать хочу!

Не бойтесь, судей не жалейте,

иначе — всем по фонарю.

Я зрю сквозь целое столетье...

Я знаю, что я говорю!»

И золотую шпагу нервно
готовлюсь выхватить, грозя...
Да мне ж нельзя.

Я — Павел Первый.

Мне бунтовать

никак нельзя.

БАТАЛЬНОЕ ПОЛОТНО

Сумерки. Природа. Флейты голос нервный. Позднее
катанье.
На передней лошади едет император в голубом кафтане.
Серая кобыла с карими глазами, с челкой вороною.
Красная попона. Крылья за спиною, как перед войною.

Вслед за императором едут генералы, генералы свиты,
славою увиты, шрамами покрыты, только не убиты.
Следом — дуэлянты, флигель-адъютанты. Блещут
эполеты.

Все они красавцы, все они таланты, все они поэты.

Все слабее звуки прежних клавесинов, голоса былые.
Только цокот мерный, флейты голос нервный
да надежды злые.

Все слабее запах очага и дома, молока и хлеба.
Где-то под ногами и над головами — лишь земля и небо.

Сумерки погасли. Флейта вдруг умолкла. Потускнели
краски.

Медленно и чинно входят в ночь, как в море, кивера
и каски.

Не видать, кто главный, кто — слуга, кто — барин,
из дворца ль, из хаты...

Все они солдаты, вечностью объаты, бедны ли богаты.

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Низкорослый лесок по пути в Бузулук,
весь похожий на пыльную армию леших —
пеших,
 песни лихие допевших,
сбивших ноги,
 продрогших,
 по суткам не евших
и застывших,
как будто в преддверье разлук.

Их седой командир,
весь в коросте и рвани,
пишет письма домой на глухом барабане,
позабыв все слова,
он марает листы.
Истрепались знамена, карманы пусты,
ординарец безумен,
денщик безобразен...
Как пейзаж поражения однообразен!

Или это мелькнул за окном балаган,
где бушует уездных страстей ураган,

где играют
безвестные комедианты,
за гроши продавая судьбу и таланты,
сами судьи
и сами себе музыканты...

Их седой режиссер,
обалдевший от брани,
пишет пьеску
на порванном вдрызг барабане,
позабыв все слова, он марает листы,
декорации смяты,
карманы пусты,
Гамлет глух,
и Ромео давно безобразен...
Как сюжет нашей памяти однообразен!

ЛУНИН В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Мелькнуло короткое лето.
Увяла забвенья трава.
Какая-то женщина где-то
на вас потеряла права.

О вы, неудачник опасный,
скажите: зачем-почему
сменили халат свой атласный
на вечную эту тюрьму?

Ступайте на волю скорее,
велите возок заложить...
Чем медленней мы — тем старее.
Пора бы собой дорожить.

Отвага нас детская мучит,
в кирпич кулачками стучит.
Дерзаниям штык не научит,
с любовью замок разлучит.

Неужто что было, то было?
И гвардия вас позабыла,
и даже не снитесь вы ей...

А чем же вы это опасны?
Наверное, тем, что прекрасны,
и тем, что, наверно, пристрастны
в любви
к отчизне своей.

ЗНОЙ

Питер парится. Пора
парочкам пускаться в поиск
по проспектам полуночным за прохладой.
Может быть,
им пора поторопиться
в петергофский первый поезд,
пекло потное покинуть,
на перроне позабыть.

Петухи проголосили,
звезды поздние погасли,
прямо перед паровозом
возникают наугад
Павловска перрон пустынный,
Петергофа плен прекрасный,
плеть Петра,
причуды Павла,
Пушкина пресветлый взгляд.

СЧИТАЛОЧКА ДЛЯ БЕЛЛЫ

Я сидел в апрельском сквере.
Преде мной был божий храм.
Но не думал я о вере,
а глядел на разных дам.

И одна, едва пахнуло
несомненную весной,
вдруг на веточку вспорхнула
и уселась преде мной.

В модном платьице коротком,
в старомодном пальтеце,
и ладонь — под подбородком,
и загадка на лице.

В той поре пока безвестной,
обозначенной едва:
то ли юная невеста,
то ли горькая вдова.

Век мой короток — не жалко,
он длинней и ни к чему...

Но она петербуржанка
и бессмертна посему.

Шли столетья по России,
бил надежды барабан.
Не мечи людей косили —
слава, золото и обман.

Что ни век — все те же нравы,
ухищренья и дела...
А Она вдали от славы
на Васильевском жила.

Знала счет шипам и розам
и безгрешной не слыла.
Всяким там метаморфозам
не подвержена была.

Но когда над Летним садом
возносилась луна,
Михаилу с Александром,
верно, грезилась Она.

И в дороге, и в опале,
и крылаты, и без крыл,
знать, о Ней лишь помышляли
Александр и Михаил.

И загадочным и милым
лик Ее вял живой
Александр с Михаилом
перед пулей роковой.

Эй вы, дней былых поэты,
старики и женихи,
признавайтесь, кем согреты
ваши перья и стихи?

Как на лавочке сиделось,
не стесняйтесь говорить,
как на барышень гляделось,
чтобы душу усладить.

Как туда вам все летелось
во всю мочь и во всю прыть...
Как оттуда не хотелось
в департамент уходить!

ЖИЗНЬ ОХОТНИКА

1

Первый день,
первый день!
Все прекрасно, все здорово,
хоть уже на всем второго
дня
 лежит косая тень.

2

День второй — день чудес,
день охоты, день объятий,
никаких еще проклятий
ни из уст
и ни с небес.

Все пока как будто впрок,
все еще полно значенья,
голосок ожесточенья
легкомыслен как щенок.

Счастлив будь, Сурок в норе!
Будь спокойна, Птица в небе!
Он —
в раздумьях о добре,
в размышлениях о хлебе.

Из ствола не бьет дымок,
стрелы колют на лучину.
Все,
что было лишь намек,
превращается в причину.

5

Пятый день.
Холодна
за окном стоит погода.
Нет охоты —
есть работа.
Пота нет —
лишь соль одна.

Отрешенных глаз свинец,
губ сухих молчанье злое...
Не похоже,
 чтоб скупец,
скапливающий былое.
Не похоже,
 чтоб глупец,
на грядущее плюющий,
пьянствующий иль непьющий,
верующий
или лжец.

Может, жизнь края свою
на отдельные полоски,
убедился,
что в авоське
больше смысла,
чем в раю?..

Или он вдруг осознал,
что, спеша и спотыкаясь,
радуясь и горько каясь,
ничего не обогнал?

Что он там?
Чему не рад
сам себе холоп и барин?
Был, как бес, высокопарен,
стал задумчив, как Сократ.

6

День шестой,
день шестой...
Все теперь уже понятно:
путь т у д а такой простой —
это больно и приятно.
Все сбывается точь-в-точь,
как напутствие в дорогу.
Тайна улетает прочь...
Слава богу,
слава богу.

Доберемся как-нибудь
(что нам — знойно или вьюжно?),
и увязывать не нужно
чемоданы
в дальний путь.

Можно просто налегке,
не трясясь
перед ошибкой,
с дерзновенною улыбкой,
словно с тросточкой
в руке.

Остается для невежд
ожиданье дней,
в которых
отсыревший вспыхнет порох
душ
или раздастся шорох
вновь проснувшихся надежд.

Что ты там ни славословь,
как ты там ни сквернословь,
не кроится впрок одежда...
Жизнь длиннее,
чем надежда,
но короче,
чем любовь.

7

День седьмой.
Выходной.

Дверь открыта выходная.
Дверь открыта в проходной...
До свиданья,
проходная!

Пройдут недолгие века —
напишут школьники в тетрадке
все то,
что нам не позволяет писать дрожащая рука.

Невыносимо, как в раю, добро просеивать сквозь
сито,
слова процеживать сквозь зубы,
сквозь недоверие — любовь...
Фортуны верткую свою

воспитываю жить открыто,
надежду — не терять надежды,
доверие — проснуться вновь.

Извозчик,
зажигай фонарь на старомодных крыльях дрожек.
Неправда,
будто бы он прожит,
наш главный полдень на земле!
Варшава,
мальчики твои
прически модные ерошат,
но тянется одна сплошная
раздумья складка на челе.

Трясутся дрожки.
Ночь плывет.
Я еду Краковским Предместьем.
Я захожу во мрак кавярни,
где пани странная поет,

где Мак Червонный вновь цветет
уже иной любви предвестьем...

Я еду Краковским Предместьем.
Трясутся дрожки.
Ночь плывет.

* * *

Зачем торопится в Сибирь поэт Горбовский?
Чтоб делать там
с души своей наброски.

Под ребрами,
в таинственной глуши,
отчаиваясь
и надеясь сладко,
как разноцветные
карандаши
она истаивает
без остатка.

Покуда мир совсем не перешит,
ее бродячий скарб увязан снова.
Все плачет в ней,
ликует,
верещит,
безумствует
и просит слова.

Что она, боже, делает с собой!
То красным коршуном она
забьется,
то нежностью зальется
голубой,
то черною слезою вдруг прольется...

Пока асфальт холодный топчем мы,
все то же повторяя,
как по нотам,
он дожидается
конца зимы
и улетает со своим блокнотом
туда, где дни,
как вольные стрелки,
чем безвозвратней —
тем сильнее...

Там лучше ловятся
слова
в силки,
а сердцу там вольнее и больнее...

Дуй, паровоз, в трубу,
свисти в свисток,
пугай прохожих старомодным ликом.
Спеши, лошадка,
торопись, ездок...
Эй, женщины, не поминайте лихом!

НА БЕРЕГУ ВЕЛИКОГО ОКЕАНА

Покуда поздняя заря
еще не скомкана туманом,
замри, счастливый пешеход,
перед Великим Океаном:
там в синих сумерках воды,
в сиреневых ее закатах,
так много ангелов простых,
любвеобильных и крылатых.

Вон среди зарослей и мглы,
как стройный мальчик на крылечке,
колышется конек морской
без седока и без уздечки,
не знающий кнута и шпор,
не ведающий поля брани...
Мне слышится из глубины
его загадочное ржанье.

Вон сельдь плывет среди равнин.
Кто знает, что у той селедки —
змеиный бюст,
акулый нрав

и сердце девочки
в середке?
Кто знает, что в ее душе,
затейливой и многогранной,
под платицем ее смешным,
в улыбке ласковой,
но странной.

То краб, то мидия, то спрут
вплывают в тот поток хрустальный,
то хищник в скромном пиджаке,
то либерал сентиментальный,
то круг медузы молодой,
похожей
на пирог слоеный,
то капелька воды морской —
сестра
твоей слезы
соленой.

ЧАЕПИТИЕ НА АРБАТЕ

Пейте чай, мой друг старинный,
забывая бег минут.
Желтой свечкой стеаринной
я украшу ваш уют.

Не грустите о поленьях,
о камине и огне...
Плед шотландский на коленях,
занавеска — на окне.

Самовар, как бас из хора,
напевает в вашу честь.
Даже чашка из фарфора
у меня, представьте, есть.

В жизни выбора не много:
кому — день, а кому — ночь.
Две дороги от порога:
одна — в дом, другая — прочь.

Нынче мы — в дому прогретом,
а не в поле фронтовом,
не в шинелях,
и об этом
лучше как-нибудь
потом.

Мы не будем наши раны
пересчитывать опять.
Просто будем, как ни странно,
улыбаться и молчать.

Я для вас, мой друг, смешаю
в самый редкостный букет
пять различных видов чая
по рецептам прежних лет.

Кипятком крутым, бурлящим
эту смесь залью для вас,
чтоб былое с настоящим
не сливалось хоть сейчас.

Настояться дам немножко,
осторожно процежу
и серебряную ложку
рядом с чашкой положу.

Это тоже вдохновенье...
Но, склонившись над столом,
на какое-то мгновенье
все же вспомним о былом:

над безумною рекою
пулеметный ливень сек,
и холодной щекою
смерть касалась наших щек.

В битве выбор прост до боли:
или пан, или пропал...
А потом, живые, в поле
мы устроили привал.

Нет, не то чтоб пировали,
а,
очухавшись слегка,
просто душу согревали
кипятком из котелка.

Разве есть напиток краше?
Благодарствуй, котелок!
Но встречал в блаженство наше
чей-то горький монолог:

«Как бы ни были вы святы,
как ни праведно житье,
вы с ума сошли, солдаты:
это — дрянь, а не питье!

Вас забывчивость погубит,
равнодушие вас убьет:
тот, кто крепкий чай разлюбит,
сам предаст и не поймет...»

Вы представьте, друг любезный,
как казались нам смешны
парадоксы те из бездны
фронтowego сатаны.

В самом деле, что — крученный
чайный лист, трава и сор
пред планетой, обреченной
на страданье и разор?

Что — напиток именитый?..

Но,
среди крови и разлук,
целый мир полузабытый
перед нами ожил вдруг.
Был он теплый и прекрасный...

Как обида нас ни жгла,
та сентенция напрасной,
очевидно, не была.

Я клянусь вам, друг мой давний,
не случайны с древних лет
эти чашки, эти ставни,
полумрак и старый плед,

и счастливый час покоя,
и заварки колдовство,
и завидное такое
мирной ночи торжество;

разговор, текущий скупо,
и как будто даже скука,
но... не скука —
естество.

ДЖАЗИСТЫ

Джазисты уходили в ополчение,
цивильного не скинув облаченья.
Тромбонов и чечеток короли
в солдаты необученные шли.
Кларнетов принцы, словно принцы крови,
магистры саксофонов шли,
и, кроме,
шли барабанных палок колдуны
скрипучими подмостками войны.

На смену всем оставленным заботам
единственная зрела впереди,
и скрипачи ложились к пулеметам,
и пулеметы бились на груди.

Но что поделатъ, что поделатъ, если
атаки были в моде, а не песни?
Кто мог тогда их мужество учесть,
когда им гибнуть выпадала честь?

Едва затихли первые сраженья,
они рядком лежали. Без движенья.

В костюмах предвоенного шитья,
как будто притворяясь и шутя.

Редели их ряды и убывали.
Их убивали. Их позабывали.
И все-таки под музыку Земли
их в поминанье светлое внесли,
когда на пяточке земного шара
под майский марш, торжественный такой,
отбила каблуки, танцуя, пара
за упокой их душ.

За упокой.

ДВА ВЕЛИКИХ СЛОВА

Не пугайся слова «кровь» —
кровь, она всегда прекрасна,
кровь ярка, красна и страстна,
«кровь» рифмуется с «любовь».

Этой рифмы древний лад!
Разве ты не клялся ею,
самой малостью своею,
чем богат и не богат?

Жар ее неотвратим...
Разве ею ты не клялся
в миг,
 когда один остался
с вражьей пулей
 на один?

И когда упал в бою,
эти два великих слова,
словно красный лебедь,
 снова
прокричали песнь твою.

ВЕСНА

Небо синее, как на картинке.
Утро майское. Солнце. Покой.
Улыбается жук на тростинке,
словно он именинник какой.

Все устали от долгой метели,
раздражительны все потому...
Что бы там о зиме вы ни пели,
но длиннее она ни к чему.

Снег такой, что не сыщешь друг друга;
ночь бездонная, словно тюрьма;
все живое засыпала вьюга,
а зачем — позабыла сама.

Всяк, заблудший во льдах ее синих,
поневоле и слеп и безустан...
Нет, увольте от сложностей зимних,
от капризов ее и безумств.

Слава богу, что кущи и рощи
наполняются звоном опять.

Пусть весна легковесней и проще,
да ведь надо же чем-то дышать!

Наслаждается маем природа,
зверь в лесах и звезда в небесах;
и из самого сердца народа
вырывается долгое «ах!».

БОЖЕСТВЕННАЯ СУББОТА,

**или Стихи о том, как нам с Зиновием Гердтом
не было куда торопиться**

Божественной субботы
хлебнули мы глоток.
От празднеств и работы
закрылись на замок.
Ни суетная дама,
ни улиц мельтешня
нас не коснутся, Зяма,
до середины дня.

Как сладко мы курили!
Как будто в первый раз
на этом свете жили,
и он сиял для нас.
Еще придут заботы,
но главное в другом:
божественной субботы
нам терпкий вкус знаком!

Уже готовит старость
свой неперемный суд.

А много ль нам досталось
за жизнь таких минут?
На шумном карнавале
торжественных невзгод
мы что-то не встречали
божественных суббот.

Ликуй, мой друг сердечный,
сдаваться не спеши,
пока течет он, грешный,
неспешный пир души.
Дыши, мой друг, свободой...
Кто знает, сколько раз
еще такой субботой
наш век одарит нас.

КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ

Срываю красные цветы.
Они стоят на красных ножках.
они звенят,
как сабли в ножнах,
и пропадают, как следы...
О, эти красные цветы!
Я от земли их отрываю.
Они
как красные трамваи
среди полдневной суеты.
Тесны их задние площадки —
там две пчелы,
как две пилы,
жужжат,
добры и беспощадны,
забившись в темные углы.
Две женщины на тонких лапках.
У них кошелки в свежих латках,
но взгляды
слишком старомодны,
и жесты
слишком благородны,

и помыслы их
так чисты!..
О, эти красные цветы!
Их стебель почему-то колет.
Они
как тот глоток воды,
который почему-то пролит.
Они
как красные быки
идут толпою к водопою,
у каждого над головою
рога сомкнулись,
как венки...
Они прекрасны,
как полки,
остры их красные штыки,
портянки выстираны к бою.
У командира в кулаке —
цветок на красном стебельке...
Он машет им
перед собою.
Качается цветок в руке,
как память о живом быке,
как память о самом цветке,
как памятник поре походной,
как монумент пчеле безродной,
той
благородной,
старомодной,
летать привыкшей налегке...
Срываю красные цветы.
Они еще покуда живы.

Движения мои
учтивы,
решения
неторопливы,
и помыслы мои
чисты...

Скажите, пожалуйста, как мне проехать туда?

— На ясный огонь, моя радость,
на ясный огонь,
езжай на огонь, моя радость,
найдешь без труда.

— А где ж этот ясный огонь? Почему не горит?

Сто лет подпираю я небо ночное плечом...

— Фонарщик был должен зажечь,
да, наверное, спит,
фонарщик-то спит, моя радость...
А я ни при чем.

И снова он едет один
без дороги
во тьму.

Куда же он едет,
ведь ночь подступила к глазам!..

— Ты что потерял, моя радость? —
кричу я ему.

И он отвечает:

— Ах, если б я знал это сам...

А дальняя дорога дана тебе судьбой,
как матушкины слезы,
всегда она с тобой.

Покуда ночка длится,
покуда бричка катит,
дороги этой дальней на нас обоих хватит.
Зачем ладонь с повинной
ты на сердце кладешь?
Чего не потеряешь — того, брат, не найдешь.

От сосен свет целебный,
от неба запах хлебный,
а от любви бедной сыночек будет бледный,
а дальняя дорога...
а дальняя дорога...
а дальняя дорога...

* * *

А мы с тобой, брат, из пехоты.
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счеты...
Бери шинель —
пошли домой.

Война нас гнула и косила.
Теперь конец и ей самой.
Четыре года мать без сына...
Бери шинель —
пошли домой.

Мы все — войны шальные дети:
и генерал и рядовой.
Опять весна на белом свете...
Бери шинель —
пошли домой.

К золе и пеплу наших улиц
опять, опять,
товарищ мой,
скворцы пропавшие вернулись...

Бери шинель —
пошли домой.

А ты с закрытыми очами
спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай,
однопольчанин,
бери шинель —
пошли домой.

Что я скажу твоим домашним?
Как встану я
перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним?..
Бери шинель —
пошли домой.

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ

Ах, война,
что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли,
за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы,
будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,
и все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война,
что ж ты, подлая, сделала;
вместо свадеб —
разлуки и дым,

наши девочки платьица белые
раздарили сестренкам своим.

Сапоги —

ну куда от них денешься?

Да зеленые крылья погон...

Вы наплюйте на сплетников,
девочки.

Мы сведем с ними счеты потом.

Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной

наугад...

До свидания, девочки!

Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Виноградную косточку в теплую землю
зарою,
и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову,
на любовь свое сердце настрою...

А иначе зачем
на земле этой вечной живу?

Собирайтесь-ка, гости мои, на мое
угощенье,

говорите мне прямо в лицо,
кем пред вами слыву,
царь небесный пошлет
отпущение мне
и прощенье...

А иначе зачем
на земле этой вечной живу?

В темно-красном своем будет петь для
меня моя Дали,
в черно-белом своем преклоню перед нею
главу,

и заслушаюсь я,
и умру от любви и печали...

А иначе зачем
на земле этой вечной живу?

А когда заклубится закат,
по углам залетая,
пусть опять и опять предо мною плывут
наяву

синий буйвол,
и белый орел,
и форель золотая...

А иначе зачем
на земле этой вечной живу?

ПЕСЕНКА О ПЕХОТЕ

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землю бушует весна.
И шагом неверным
по лестничке шаткой
спасения нет...

Лишь белые вербы,
как белые сестры,
глядят тебе вслед.

Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льет.
Не верьте пехоте,
когда она brave песни поет.
Не верьте,
не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
у жизни и смерти
еще не окончены
счеты свои.

Нас время учило:
живи по-походному,
дверь отворя...
Товарищ мужчина,
а все же заманчива
доля твоя:
весь век ты в походе,
и только одно отрывает от сна:
чего ж мы уходим,
когда над землю
бушует
весна?

ПЕСЕНКА О НОЧНОЙ МОСКВЕ

Когда внезапно возникает еще неясный голос труб,
слова, как ястребы ночные, срываются с горячих губ,
мелодия, как дождь случайный, гремит;
и бродит меж людьми
надежды маленький оркестрик под управлением
любви.

В года разлук, в года сражений, когда свинцовые дожди
лупили так по нашим спинам, что снисхождения не жди,
и командиры все охрипли...
он брал команду над людьми,
надежды маленький оркестрик под управлением
любви.

Кларнет пробит, труба помята,
фагот, как старый посох, стерт,
на барабане швы разлезлись...
Но кларнетист красив как черт!

Флейтист, как юный князь, изящен...

И вечно в сговоре с людьми
надежды маленький оркестрик под управлением
любви.

ПЕСЕНКА О МОСКОВСКОМ ТРАМВАЕ

Раскрасавец двадцатых годов,
позабывший про старость и раны,
он и нынче, представьте, готов
нам служить неустанно.

Он когда-то гремел и блистал,
на него любоваться ходили.
А потом он устал и отстал,
и его позабыли.

По проспектам бежать не дают,
в переулках дожить разрешают,
громких песен о нем не поют —
со смешком провожают.

Но по улицам через мосты
он бежит, дребезжит и бодрится.
И с горячей ладони Москвы
все сойти не решится.

ПЕСЕНКА О КАПЛЯХ ДАТСКОГО КОРОЛЯ

В раннем детстве верил я,
что от всех болезней
капель датского короля
не найти полезней.
И с тех пор горит во мне
огонек той веры...
Капли датского короля
пейте, кавалеры!

Капли датского короля
или королевы —
это крепче, чем вино,
слаще карамели
и сильнее клеветы,
страха и холеры...
Капли датского короля
пейте, кавалеры!

Рев орудий, посвист пуль,
звон штыков и сабель
растворяются легко
в звоне этих капель.

Солнце, май, Арбат, любовь —
выше нет карьеры...
Капли датского короля
пейте, кавалеры!

Слава головы кружит,
власть сердца щекочет.
Грош цена тому, кто встать
над другим захочет.
Укрепляйте организм,
принимайте меры...
Капли датского короля
пейте, кавалеры!

Если правду прокричать
вам мешает кашель,
не забудьте отхлебнуть
этих славных капель,
перед вами пусть встанут
прошлого примеры...
Капли датского короля
пейте, кавалеры!

Белый свет я обошел,
но нигде на свете
мне, представьте, не пришлось
встретить капли эти,
если вам вдруг повезет,
вы тогда без меры
капли датского короля
пейте, кавалеры!

ЛАСТОЧКА

Ласточка,
звонкая птица,
ангел под кровлей моей,
что же тебе не летится?
Плен тебе, что ли, милей?
Солнце встает над горою,
пахнет дымком от костра...
Хочешь,
я окна раскрою?
Вырвись на волю,
сестра.

Ласточка,
долгие годы
жаждем мы доли своей.
Что тебе наши заботы?
С крыльев стряхни их скорей.
Лучшая сердцу отрада —
два твоих тонких крыла...
Много ли счастья мне надо?
Лишь бы ты в небе была.

ПЕСЕНКА О МОЦАРТЕ

Моцарт на старенькой скрипке играет.
Моцарт играет,
а скрипка поет.
Моцарт отечества не выбирает —
просто играет всю жизнь напролет.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба —
то гульба, то пальба...
Не оставляйте стараний,
маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь
на остановке конечной
скажем спасибо и этой судьбе,
но из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба —
то гульба, то пальба...
Не расставайтесь с надеждой,

маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Коротки наши лета молодые:
миг —
и развеются, как на кострах,
красный камзол,
башмаки золотые,
белый парик,
рукава в кружевах.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба —
то гульба, то пальба...
Не обращайтесь вниманья,
маэстро,
не убирайте ладони со лба.

ФРАНСУА ВИЙОН

Пока Земля еще вертится, пока еще
ярок свет,
господи, дай же ты каждому,
чего у него нет:
мудрому дай голову, трусливому дай
коня,
дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится,— господи,
твоя власть! —
дай рвущемуся к власти
навластовать в сласть,
дай передышку щедрому,
хоть до исхода дня,
Каину дай раскаяние...
И не забудь про меня.

Я знаю: ты все умеешь,
я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый, что он
проживает в раю,

как верит каждое ухо тихим речам
твоим,
как веруем и мы сами, не ведая,
что творим!

Господи мой боже, зеленоглазый
мой!

Пока Земля еще вертится, и это ей
странно самой,
пока ей еще хватает времени и огня,
дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

Ваше благородие госпожа разлука,
мне с тобою холодно, вот какая штука.
Письмецо в конверте
погоди — не рви...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие госпожа чужбина,
жарко обнимала ты, да мало любила.
В шелковые сети
постой — не лови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие госпожа удача,
для кого ты добрая, а кому иначе.
Девять граммов в сердце
постой — не зови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие госпожа победа,
значит, моя песенка до конца не спета!
Перестаньте, черти,
клясться на крови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

СТАРИННАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Поднявший меч на наш союз
достоин будет худшей кары,
и я за жизнь его тогда
не дам и ломаной гитары.
Как вождельно жаждет век
нащупать брешь у нас в цепочке...
Возьмемся за руки, друзья,
чтоб не пропасть поодиночке.

Среди совсем чужих пиров
и слишком ненадежных истин,
не дожидаясь похвалы,
мы перья белые почистим.
Пока безумный наш султан
сулит нам дальнюю дорогу,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, ей-богу.

Когда ж придет дележки час,
хлеб дармовой не нас поманит,
и рай настанет не для нас,
зато Офелия помянет.

Пока ж не грянула пора
нам отправляться понемногу,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, ей-богу.

РОМАНС

Соединение сердец —
старинное приспособленье:
вот-вот уж, кажется, конец —
ан снова, смотришь, потепленье.
Вот-вот уж, кажется, пора,
разрыв почти увековечен...
Но то, что кажется с утра,
преображается под вечер.

Соединение сердец —
старинное приспособленье...
Но если впрямь настал конец,
какое, к черту, потепленье?
И если впрямь пришла пора,
все рассуждения напрасны:
что было — сплыло со двора,
а мы хоть врозь, но мы — прекрасны.

И в скорбный миг, печальный миг
теряют всякое значенье
все изреченья мудрых книг
и умников нравоученья.

Понятны только нам двоим
истоки радости и муки...

И тем живем.

На том стоим
и утешаемся в разлуке.

* * *

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы
молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

Раскошелиться б сыну недолгого века,
да пусты кошельки упадают с руки...
Не грусти, не печалуйся, о моя Вера,—
остаются еще у тебя должники!

И еще я скажу и бессильно и нежно,
две руки виновато губами лоя:
— Не грусти, не печалуйся, матерь Надежда,—
есть еще на земле у тебя сыновья!

Протяну я Любви ладони пустые,
покаянный услышу я голос ее:
— Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
я себя раздарила во имя твое.

Но какие бы руки тебя ни ласкали,
как бы пламень тебя ни сжигал неземной,

в троекратном размере болтливость людская
за тебя расплатилась... Ты чист предо мной!

Чистый-чистый лежу я в наплывах рассветных,
перед самым рождением нового дня...
Три сестры, три жены, три судьи милосердных
открывают бессрочный кредит для меня.

ПРОЩАНИЕ С НОВОГОДНЕЙ ЕЛКОЙ

Синяя крона, малиновый ствол,
звяканье шишек зеленых.
Где-то по комнатам ветер прошел:
там поздравляли влюбленных.
Где-то он старые струны задел —
тянется их переключка...
Вот и январь накатил-налетел,
бешеный как электричка.

Мы в пух и прах наряжали тебя,
мы тебе верно служили.
Громко в картонные трубы трубя,
словно на подвиг спешили.
Даже поверилось где-то на миг
(знать, в простодушие сердечном):
женщины той очарованный лик
слит с твоим празднеством вечным.

В миг расставания, в час платежа,
в день увяданья недели
чем это стала ты нехороша?
Что они все, одурели?!

И утонченные, как соловьи,
гордые, как гренадеры,
что же надежные руки свои
прячут твои кавалеры?

Нет бы собраться им — время унять,
нет бы им всем — расстараться...
Но начинают колеса стучать:
как тяжело расставаться!
Но начинается вновь суета.
Время по-своему судит.
И в суете тебя сняли с креста,
и воскресенья не будет.

Ель моя, Ель — уходящий олень,
зря ты, наверно, старалась:
женщины той осторожная тень
в хвое твоей затерялась!

Ель моя, Ель, словно Спас-на-крови
твой силуэт отдаленный,
будто бы след удивленной любви,
вспыхнувшей, неуголенной.

СТАРЫЙ ПИДЖАК

Я много лет пиджак ношу.
Давно потерялся и не нов он.
И я зову к себе портного
и перешить пиджак прошу.

Я говорю ему шутя:
«Перекроите все иначе.
Сулит мне новые удачи
искусство кройки и шитья».

Я пошутил. А он пиджак
серьезно так перешивает,
а сам-то все переживает:
вдруг что не так. Такой чудак.

Одна забота наяву
в его усердьи молчаливом,
чтобы я выглядел счастливым
в том пиджаке. Пока живу.

Он представляет это так:
едва лишь я пиджак примерю —
опять в твою любовь поверю...
Как бы не так. Такой чудак.

ПЕСЕНКА ОБ ОТКРЫТОЙ ДВЕРИ

Когда метель кричит как зверь —
протяжно и сердито,
не запирайте вашу дверь,
пусть будет дверь открыта.

И если ляжет дальний путь,
нелегкий путь, представьте,
дверь не забудьте распахнуть,
открытой дверь оставьте.

И, уходя, в ночной тиши
без долгих слов решайте:
огонь сосны с огнем души
в печи перемешайте.

Пусть будет теплою стена
и мягкой — скамейка...
Дверям закрытым — грош цена,
замку цена — копейка!

ГЛАВНАЯ ПЕСЕНКА

Наверное, самую лучшую
на этой земной стороне
хожу я и песенку слушаю —
она шевельнулась во мне.

Она еще очень неспетая.
Она зелена как трава.
Но чудится музыка светлая,
и строго ложатся слова.

Сквозь время, что мною не пройдено,
сквозь смех наш короткий и плач
я слышу: выводит мелодию
какой-то грядущий трубач.

Легко, необычно и весело
кружит над скрещеньем дорог
та самая главная песенка,
которую спеть я не смог.

* * *

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
ведь это все любви счастливые моменты.

Давайте горевать и плакать откровенно
то вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не нужно придавать значения злословью —
поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая, —
тем более, что жизнь короткая такая.

* * *

Допеты все песни.
И точка.
И хватит, и хватит о том.
Ну, может, какая-то строчка
осталась еще за бортом.

Над нею кружатся колеса,
но,
даже когда не свернуть,
наивна
и простоволоса,
она еще жаждет сверкнуть.

Надейся, надейся,
голубка,
свои паруса
пораскинь,
ты,
хрупкая словно скорлупка,
по этим морям городским.

Куда тебя волны ни бросят,
на помощь теперь не зови.
С тебя
ничего уж не спросят:
как хочется — так и плыви,
подобна мгновенному снимку,
где полночь
и двор в серебре,
и мальчик
с гитарой в обнимку
на этом арбатском
дворе.

СОДЕРЖАНИЕ

Одна морковь с заброшенного огорода	7
Боярышник «Пастушья шпора»	9
Путешествие в памяти	11
«Есть «да» и «нет»...»	13
В городском саду	15
Как научиться рисовать *	16
Музыка арбатского двора	
1. Речитатив	19
2. Песенка	21
3. Танго	22
4. Вальс	24
5. Романс	26
Времена	28
Цирк	30
Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину	32
Прощание с осенью *	34
«То падая, то снова нарастая...» *	36
Вариация на тему «Чудесного вальса»	37
«Живые, вставай-подымайся...»	39
Как я сидел в кресле царя *	41

Батальное полотно	44
Из окна вагона	45
Лунин в Забайкалье	47
Осень в Царском Селе	49
Зной	51
Считалочка для Беллы	52
Жизнь охотника	55
Путешествие по ночной Варшаве в дрожках	61
«Зачем торопится в Сибирь поэт Горбовский?..»	64
На берегу Великого Океана	66
Чаепитие на Арбате	68
Джазисты	73
Два великих слова *	75
Весна	77
Божественная суббота	79
Красные цветы	81
Мои песни	
Ночной разговор	84
Песенка о дальней дороге	86
«А мы с тобой, брат, из пехоты...»	88
До свидания, мальчики *	90
Грузинская песня	92
Песенка о пехоте	94
Прощание с Польшей *	96
Песенка о ночной Москве *	97
Песенка о московском трамвае	99
Песенка о каплях датского короля	100
Ласточка	102
Песенка о Моцарте	103
Франсуа Вийон *	105
Белое солнце пустыни	107
Старинная студенческая песня	109

Романс	111
«Опустите, пожалуйста, синие шторы...» *	113
Прощание с новогодней елкой *	115
Старый пиджак *	117
Песенка об открытой двери *	119
Главная песенка *	120
«Давайте восклицать, друг другом восхищаться...» . . .	121
«Допеты все песни...»	122

Булат Шалвович Окуджава

АРБАТ, МОЙ АРБАТ

М., «Советский писатель», 1976, 128 стр. План выпуска 1976 г. № 156. Редактор В. С. Фогельсон. Худож. редактор В. И. Морозов. Техн. редактор Ф. Г. Шапиро. Корректор М. Б. Шварц. Сдано в набор 14/V 1976 г. Подписано к печати 20/IX 1976 г. А09194. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 3,26. Тираж 50 000 экз. Заказ № 448. Цена 35 коп. Издательство «Советский писатель». Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

35 КОП.

Г